

так как перечисление чешских государей в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии продолжено до 1611 г., а у Мартина Бельского оно кончается 1533 г. Это давало возможность делать далеко идущие выводы об интересе к Чехии, не затухающем на Руси и в XVII в., о начитанности и знании источников по чешской истории в русской среде и т. д. Однако оказалось,⁴⁰ что и «История о Богеме», и чешская часть 76-главной Космографии — всего лишь переводы (правда, друг от друга не зависимые) из «Истории Европейской Сарматии» Александра Гваньини, в которой изложение доводится как раз до 1611 г.

Глава о Чехии в книге Александра Гваньини представляет собой извлечение из «Хроники» М. Бельского, значительно сокращенное и, с другой стороны, дополненное перечнем чешских королей, заканчивающимся 1611 г. Поскольку «История о Богеме» и 6-я глава Космографии — достаточно точный перевод из книги А. Гваньини, а чешская часть западнорусского Хронографа почти буквально передает текст М. Бельского, то только сопоставление обеих книг помогает понять, чем — по сравнению с М. Бельским — привлекало изложение А. Гваньини и почему понадобились новые переводы (напомним, что составитель 76-главной Космографии, по-видимому, знал «О Чесском кролевстве кронику» либо какой-то другой русский перевод Мартина Бельского).

В «Истории о Богеме» и Космографии выпущены (сравнительно с «Хроникой всего света») эпизоды об основании Лехом польских городов, о заложении Йиглавы, княжении Вршовца, о войне с немцами и распри между Кршесомыслом и Вратиславом, о чуме в Чехии, о Яне Гусе и Иерониме Пражском, упоминание о гуситском движении, не названы многие чешские князья и короли. Подавляющее большинство этих статей не носит легендарно-беллетристического характера. Если в Хронографе западнорусской редакции (или в «Хронике» М. Бельского, что в данном случае безразлично) легендарные события чешской истории вполне уравниваются собственно историческими сообщениями, то в «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии акцент сделан именно на легендарных рассказах. Легенда о девичьей войне занимает ровно треть этих произведений. Рассказ, где повествуется о Либуше, равен восьмой части «Истории о Богеме» и 6-й главе Космографии. Если присовокупить сюда новеллы о вокняжении Пршемысла, о приходе Чеха, об Иване Карвацком, о Кроке и судах его, о крещении Боривоя, о Горимире, то окажется, что на самостоятельные рассказы приходится около четырех пятых общего объема разбираемых памятников.

Итак, мы видим, что удельный вес исторического материала в «Истории о Богеме» и 76-главной Космографии ничтожен и абсолютно, и по сравнению с чешской частью западнорусского Хронографа. Основу произведений составляют законченные беллетризованные легенды, говорить о художественной ценности которых нет особой нужды, так как они широко известны в превосходной обработке Алоиза Йираска. Учитывая вышеизложенное, «Историю о Богеме» и 6-ю главу Космографии можно назвать сборниками новелл, лишь в незначительной степени дополненных историческим материалом. Несомненно, именно легендарные рассказы привлекли переводчика «Истории о Богеме» и составителя 76-главной Космографии.

В изучении чешско-русских литературных взаимоотношений рядом с «Историей о Богеме» и Космографией следует поставить, по-видимому,

⁴⁰ См.: А. М. Панченко и В. П. Степанов. «История вкратце о Богеме, ежесть о земле Чешьской» и ее источник. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 304—313.